

Михаил Алексеевский, Дмитрий Громов

«Фольклор XXI века: Герои нашего времени»

Государственный республиканский центр русского фольклора в 2011 г. запустил новую серию ежегодных научных конференций, посвященных различным аспектам изучения современной фольклорной культуры и новых традиций, под общим названием «Фольклор XXI века». Тот факт, что за последние два десятилетия отечественная фольклористика стала все больше внимания уделять изучению не прошлого, а настоящего, не подлежит сомнению. Между тем регулярных научных конференций, посвященных этой проблематике, в России давно не проводилось. Идея конференции «Фольклор XXI века» заключается в том, чтобы регулярно собирать вместе специалистов, которые исследуют современные формы фольклора, а также представителей других гуманитарных дисциплин, занимающихся смежной проблематикой, и устраивать предметное обсуждение узкой темы, заявленной в подзаголовке конференции.

Количество заявок, поданных на первую конференцию намеченной серии, свидетельствует о том, что данная стратегия оказалась оправданной: исследователей, желающих выступить с докладом, оказалось так много, что организаторам пришлось отклонить почти половину предложенных тем.

Михаил Дмитриевич Алексеевский

Государственный
республиканский центр
русского фольклора,
Москва
alekseevsky@yandex.ru

Дмитрий Вячеславович Громов

Государственный
республиканский центр
русского фольклора,
Москва
gromovdv@mail.ru

Набор докладов, которые все же вошли в программу и прозвучали на конференции, кажется достаточно показательным. По нему четко видно, какие направления изучения современного фольклора пользуются популярностью у российских исследователей, какие темы и проблемы им интересны.

В данном обзоре мы решили отказаться от стандартной схемы последовательного пересказа краткого содержания всех докладов и рассмотреть многообразие современных подходов к изучению новых фольклорных форм, сопоставив доклады, которые порой очень близки по проблематике, но неожиданно далеки друг от друга по методологии.

Конференция «**Фольклор XXI века: Герои нашего времени**» состоялась 20–21 октября 2011 г. в Москве. На ней обсуждались вопросы, связанные с персонажами современного фольклора и новейшей мифологии. Если герои традиционного крестьянского фольклора (будь то герои эпоса или демонологические персонажи мифологических рассказов) изучаются уже долго и вполне продуктивно, то о героях современного фольклора научных работ пока совсем мало. Как кажется, проблема тут вовсе не в инертности исследователей, а скорее в том, что герои эти в каком-то смысле трудноуловимы. Персонажный ряд былины или набор актуальных для традиции демонологических персонажей можно сравнительно легко представить в виде целостной системы, в то время как герои современных городских легенд или анекдотов обладают значительным многообразием и с трудом поддаются каталогизации. Еще одна проблема заключается в том, что обсуждение «героев» нашего времени методологически располагает к дескриптивности, к докладам типа «Образ Чебурашки в детском анекдоте». Между тем именно персонаж может стать удачной отправной точкой для разговора о современном фольклоре и различных аспектах его бытования. Дескриптивных докладов на конференции было достаточно, и все же большинство участников пытались выйти за пределы заявленной темы и обсудить те вопросы, которые не касались напрямую персонажей, но представлялись актуальными при изучении современных форм фольклора и новых традиций.

Показательно, что докладов о *персонажах устоявшихся жанров современного фольклора* было совсем немного. Самым востребованным жанром оказались анекдоты, которые рассматривались сразу в трех докладах, при этом каждый выступавший представил свой подход к анализу материала. **Ольга Фролова** (Москва) говорила о новых героях анекдотов, бытующих в Сети, и предложила классифицировать их по типу индивидуализации. Всего автором доклада было выделено три категории

героев с различным уровнем индивидуализации: а) новый социальный тип (например, сисадмин); б) обладатель определенного статуса (например, руководитель государства, мэр); в) человек, обладающий индивидуальным ярким поведением (например, К. Собчак). Как убедительно было показано в докладе, сюжеты анекдотов в значительной степени зависят от того, какой тип героя здесь представлен. Так, анекдоты о героях третьего типа обычно построены на уникальных индивидуальных особенностях данного персонажа, и потому их сюжеты не могут заимствоваться. В то же время герои второго типа, хотя и имеют в анекдоте индивидуальное имя, но могут оказываться взаимозаменяемыми по функциям (например, сюжеты анекдотов о Л.И. Брежневле начинают использоваться в анекдотах о Б.Н. Ельцине в последние годы его президентства).

Выступление **Игоря Бессонова** (Москва) также было посвящено новым героям анекдотов, но принцип анализа материала здесь оказался другим. В докладе был рассмотрен цикл анекдотов о глупых блондинках: автор показал, что первоначально эти анекдоты возникли в США в конце 1980-х гг., а в России они распространились в 2000-е гг. Однако в центре внимания исследователя были не вопросы заимствования фольклора, а происхождение самого образа глупой блондинки, который, по его мнению, имел два основных источника: с одной стороны, анекдоты о глупцах, с другой — клише массовой культуры, где блондинки изображены успешными и сексуально привлекательными.

Наконец, **Александр Панченко** (Санкт-Петербург) и **Анастасия Ильченко** (Тарту, Эстония) в своем докладе сосредоточили внимание на вопросе генезиса и миграции сюжетов анекдотов. На примере анекдота о профессоре-похабнике, который на лекции смущает студенток, авторы рассмотрели вариативность реализаций сюжета, отметив его бытование в англоязычных странах с конца 1940-х гг. и в СССР в 1980-е гг. Однако авторы доклада не ограничились изучением путей миграции сюжета. Они высказали соображения относительно того, почему он оказался актуальным в определенные периоды времени. Рассмотренные анекдоты имеют ярко выраженный сексистский характер: осмеянию здесь подвергаются женщины, которые протестуют против непристойностей, как правило, звучащих из уст мужчины. А. Панченко и А. Ильченко, отчасти используя психоаналитический метод интерпретации фольклора А. Дандеса, предположили, что появление таких анекдотов могло стать ответной реакцией на подъем феминизма в Англии и США в середине XX в. и в Советском Союзе в 1980–1990-е гг.

По методологии три означенных доклада различаются, между тем их объединяет общий интерес исследователей к тому, как и почему появляются новые персонажи анекдотов. Образы новых героев формируются под сильным влиянием стереотипов массовой культуры, а сюжетные структуры оказываются значительно более устойчивыми, чем система персонажей, что приводит к постоянному возникновению анекдотов со старыми сюжетами, но с новыми героями.

Вопреки ожиданиям, на конференции почти не было выступлений, посвященных современной демонологии. Фактически эта тема была представлена только в докладе **Никиты Петрова** (Москва) о новых видах мифологических нарративов, бытующих в современной деревне. На материале из архива экспедиций лаборатории фольклористики РГГУ в Архангельскую область автор рассмотрел нарративы, которые по целому ряду параметров близки традиционным быличкам, однако посвящены героям новейшей мифологии (снежному человеку, космонавтам, инопланетянам). В выступлении было отмечено, что зачастую такие тексты не бытуют в виде устойчивого нарратива, а возникают в результате коммуникативной неудачи: под напором собирателя, который стремится записать традиционную быличку, информант на ходу конструирует по законам жанра рассказ об актуальных для него новых мифологических персонажах. Напомнив, что былины о новой советской жизни в свое время получили название «новины», докладчик предложил ввести термин «новички» для обозначения быличек о такого рода персонажах. Это яркое выступление вызвало оживленную полемику, в ходе которой обсуждалось, правомерно ли в данном случае говорить о новой жанровой категории. Вопрос о том, в какой степени появление нового типа героя в традиционном жанре влияет на его прагматику и поэтику, действительно, кажется крайне актуальным.

Споры вызвал и единственный на конференции доклад о современных легендах. Однако если выступление Н. Петрова изначально было задумано как дискуссионное, то **Александра Балашова** (Москва) едва ли планировала, что к ней возникнет столько вопросов. Ее доклад был посвящен современной легенде о вскрытии советскими археологами гробницы Тамерлана в 1941 г. По сюжету легенды именно в результате этого кощунства на Советский Союз пало древнее проклятие и началась Великая Отечественная война. Автор доклада посчитала, что сюжет данной легенды является универсальным, а сама она напрямую связана с популярными во многих мировых культурах легендами о пробуждении духа зла и наложении проклятья на открывшего определенный предмет. Многие культурные параллели, приведенные в докладе, вызвали сомнения, но

наиболее оживленную полемику спровоцировал вопрос о том, какие материалы легли в основу доклада. А. Балашова объяснила, что использовала только записи легенды, обнаруженные в Интернете, поэтому более ранняя история бытования легенды ей неизвестна. Между тем некоторые участники конференции вспомнили, что впервые узнали об этом сюжете еще в 1970–1980-е гг. из устных рассказов (например, во время урока истории в школе). Весьма вероятно ее бытование и в более раннее время.

Как кажется, в данном случае речь идет о методологическом просчете, который в ближайшее время может стать довольно распространенным. Уже давно стало очевидно, что поиск в Интернете позволяет быстро и легко находить материалы по современному городскому фольклору (особенно это касается легенд и песен). Возможность таким образом оперативно собрать данные для доклада или статьи порой так сильно воодушевляет исследователя, что он этим поиском и ограничивается. Между тем в большинстве случаев этого недостаточно, особенно когда автор ставит задачу рассмотреть происхождение сюжета. Доклад А. Балашовой вызвал массу вопросов, однако ответы на большинство из них получить на основе корпуса текстов, скачанных из Интернета, невозможно.

Совсем мало докладов было посвящено *героям классического фольклора в современной культуре*. Вероятно, это связано не с тем, что традиционный фольклор и его персонажи недостаточно востребованы в современности, а с тем, что формы их использования вызывают у фольклористов отторжение. Показательным в этом отношении стал доклад **Натальи Петровой** (Москва) с характерным названием «Кикимора Вятская и Кощей Тверской, или Фейклорная карта России». В нем речь шла о поддержанном на государственном уровне проекте «Сказочная карта России», который направлен на развитие «внутреннего туризма». Авторы проекта предлагают российским регионам объявлять «родиной» сказочных персонажей населенные пункты на своей территории, создавать там «музеи» и проводить тематические праздники, ориентированные на привлечение туристов.

Идеи, которыми руководствуются отечественные чиновники, объявляющие «родиной» героев сказок вверенные им города и села, поражают своей причудливостью (достаточно упомянуть, что поселок Ермаково Рыбинского района Ярославской области был назван родиной Курочки Рябы на том основании, что здесь расположена крупная птицефабрика). Однако важнее то, что создатели проекта очень вольно обращаются с образами фольклорных героев: корректируют их функции,

конструируют внешний облик, придумывают сложную систему взаимоотношений. При этом персонажами, задействованными в проекте, являются герои не только фольклорных, но и авторских сказок (Буратино), а также герои былин (Садко, Илья Муромец) и мифологических рассказов (Домовой, Кикимора). Как показала Н. Петрова, критерии «сказочности», применяемые в проекте, отсылают не к жанровым границам фольклорных сказок, а к типичным для массовой культуры представлениям о том, что сказки — это «все, что для детей».

О попытке более сознательного подхода к использованию фольклора в современной массовой культуре шла речь в докладе **Татьяны Диановой** (Москва). Она рассказала коллегам о своем опыте участия в работе над экспертным заключением о системе значений образов традиционной культуры и фольклора, существующих в сознании современных русских. Речь шла об образах Жар-птицы и Трех богатырей, которые Олимпийский комитет рассматривал в качестве возможных символов церемонии зажжения олимпийского огня во время Зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в России в 2014 г. Сам по себе факт, что для подобной экспертизы Олимпийский комитет привлекает профессиональных фольклористов, весьма обнадеживает. В докладе не только была разобрана методология этой работы, но и подробно объяснялось, чем чреваты ошибки при экспертизе. Фольклорный образ, имеющий в одной культурной традиции сугубо положительные коннотации, в другой культуре может иметь совершенно иные значения, вызывающие отторжение у части международной аудитории.

Выражением очевидной тенденции стало большое количество докладов, посвященных *профессиональным сообществам и другим малым социальным группам*. В последние годы это направление активно развивается (можно вспомнить сборники по антропологии профессий, подготовленные П. Романовым и Е. Ярской-Смирновой), причем достаточно продуктивным здесь оказывается сотрудничество социологов, антропологов и фольклористов.

На конференции обобщающий доклад о специфике образа «истинного профессионала» в традициях малых профессиональных групп XIX–XXI вв. сделал **Константин Шумов** (Пермь). Докладчик поставил перед собой амбициозную задачу — выявить универсальные механизмы того, как формируется репутация профессионала. Причем эти механизмы должны быть релевантны как для деревенских пастухов и кузнецов в XIX в., так и для городских менеджеров и программистов в XXI в. По мнению автора, представления о профессионалах формируются под влиянием фольклорных текстов и ритуалов, в которых

можно выделить два уровня: закрытый и открытый для посторонних. Некоторые ритуальные тексты (особенно связанные с посвящением в профессию) передаются только внутри сообщества и являются «тайным знанием», однако параллельно существуют и «внешние» фольклорные тексты, репрезентирующие отношение к «истинным профессионалам» со стороны неофитов.

При всей обаятельности подобных глобальных обобщений сама идея поиска универсальных культурных законов, объясняющих разные явления из разных эпох, в данном случае кажется не слишком продуктивной, равно как и попытка объяснить все фольклором «профессионализма». Мифология и магия «профессионалов» в крестьянской среде в значительной степени была основана на их маргинальном статусе (пастухи и кузнецы были знаковым «исключением из правил»: они не обрабатывали землю, как все). В современном обществе иерархия профессий построена по совершенно иным принципам, а уровень «истинного профессионализма» и коллегами, и посторонними обычно оценивается без использования категории «владение тайным знанием». Важную роль здесь играют опыт, образование, способности и т.п.

Более продуктивной стратегией представляется системное изучение определенной малой социальной группы, в рамках которого осуществляется выявление и интерпретация ее отличительных особенностей. Удачный пример подобного исследования был представлен в докладе **Евгения Сафронова** (Ульяновск) о современных городских экстрасенсах. На материале интервью с представителями этой новой профессии автор показал общность основных смысловых и композиционных элементов в их нарративах и предпринял попытку интерпретации этого сходства, выделив сразу несколько возможных объяснений: близость занятий и способов осмысления реальности; заимствование идей и риторики из популярной эзотерической литературы; устойчивый набор коммуникативно-культурных ожиданий во время общения с пациентами; влияние исследователя, одинаковым образом выстраивающего беседу на каждом интервью.

В докладе **Романа Абрамова** (Москва) речь шла не о профессиях, а о группах по интересам. В центре внимания исследователя оказались шахматисты и волейболисты, которые десятилетиями регулярно собираются в московском парке «Царицыно». В этнографическом описании данных сообществ, предложенном автором, особое внимание было уделено роли публичного пространства, которое они осваивают. Смысловым ядром доклада стал анализ конфликта между представителями

сообществ и администрацией парка, которая во время его радикальной реконструкции попыталась выгнать с территории шахматистов и волейболистов. Активная борьба последних за право собираться и играть на старом месте не только свидетельствует о скрытых способностях досуговых сообществ к консолидации и социальной активности, но и указывает на важную роль пространства для их существования и развития.

На рубеже 1990–2000-х гг. одним из новых направлений российской фольклористики стало изучение фольклора профессиональных и молодежных сообществ, основанное на систематизации и обобщении новых полевых материалов. Доклад **Ирины Райковой** (Москва), выполненный именно в этом ключе, был посвящен мифологии, традициям и фольклору, бытующим в среде «балетных». Сильной стороной данного направления обычно является введение в научный оборот интересного полевого материала по теме, которая, как правило, является «пионерской» для академической науки. В этом отношении работа И. Райковой была особенно яркой и удачной. Следует отметить, что автор не только продуктивно собирал материал в ходе интервью, но и использовал тематические интернет-ресурсы. Очевидно, что исследования в этой области должны быть продолжены: с одной стороны, традиции профессиональных сообществ стоит анализировать не только в синхронии, но и в диахронии; с другой — культура таких сообществ не сводится к фольклору и мифологии и должна рассматриваться в более широком контексте.

Узость дисциплинарных рамок фольклористики для полноценного изучения профессиональных сообществ проявилась в выступлении **Владислава Липатова** (Екатеринбург). Судя по заявленной теме, докладчик первоначально собирался рассмотреть образ армейского «деда» на материалах фольклорных экспедиций Уральского государственного университета. Однако в границах фольклористического анализа текстов дембельских альбомов В. Липатову было слишком тесно, так что в итоге он поставил более глобальную задачу — определить причины возникновения дедовщины в советской армии.

По мнению автора, ключевым моментом стало принятие в 1967 г. приказа о всеобщей воинской службе, в результате чего была разрушена поэтапная система подготовки армейских специалистов низшего звена. Найти полное подтверждение этой гипотезы в солдатском фольклоре не представляется возможным, поэтому В. Липатов использовал дополнительные источники: собственные воспоминания о службе в армии и два интервью с бывшими военными (одно из них было

опубликовано в газете, другое автор взял сам у случайного знакомого). В результате работа «зависла» между антропологией и фольклористикой: для полноценного антропологического исследования и серьезных выводов материала недостаточно, а анализ фольклорных текстов не может подтвердить идеи автора.

Как представляется, такого рода методологические проблемы не являются случайностью: исследование культуры малых социальных групп требует комплексного междисциплинарного подхода, в то время как замыкание в рамках методов одной научной дисциплины (например, фольклористики) оказывается неэффективным.

Ряд докладов был посвящен *героям локальных культурных текстов*. Так, Павел Куприянов (Москва), используя материалы экспедиции в поселок Ныроб Пермской области, показал, что для местных жителей ключевым героем локальной истории является боярин Михаил Никитич Романов, погибший в Ныробе во время ссылки, куда он был отправлен по приказу Бориса Годунова в 1600 г. Докладчик рассказал об отражении образа Михаила Никитича в разных жанрах местного фольклора, художественной самодеятельности, городских традициях, самопрезентации местных жителей, отметив общую значимость «тюремного текста» для Ныроба. В условиях экономического и социального кризиса, когда население Ныроба неуклонно сокращается, шансы на выживание поселка дает только увеличивающийся поток туристов, так что знаменитый «ныробский узник» становится не только символом тяжелого исторического прошлого, но и надеждой на лучшее будущее.

Не столь известному герою посвятила свое выступление Мария Ахметова (Москва). В 2003 г. во время экспедиции в г. Боровск Калужской области ей удалось записать корпус воспоминаний о Петре Денисовиче Матвееве, непризнанном ученом, который жил в городе в послевоенные десятилетия. В локальном тексте Боровска П.Д. Матвеев — городской чудак, окруженный ореолом легенд и мнений, в которых он предстает то как мудрец, философ, великий изобретатель, то как сумасшедший, колдун, «природный человек». При этом устойчивые нарративы о Матвееве оказываются под влиянием местных легенд о куда более известном жителе Боровска — основателе современной космонавтики К.Э. Циолковском, который также нередко совершал странные поступки и удивлял горожан необычными экспериментами.

Доклады П. Куприянова и М. Ахметовой обнаруживают сходство в том, что в обоих случаях рассмотрение нарративов, связанных с конкретными местными жителями, позволило

перейти на более высокий уровень обобщения, проследить, как эти нарративы формируют доминанты местного локального текста: под влиянием историй о заключенном Михаиле Романове поселок Ныроб обретает культурный статус «ссылочного края», а рассказы о Матвееве и Циолковском репрезентируют Боровск как город «чудаков-ученых».

Два доклада на конференции были посвящены набирающей популярность традиции написания записок с личными просьбами святым, которые также могут становиться героями локального текста. **Дмитрий Громов** (Москва) в своем выступлении предложил несколько возможных версий происхождения культа «святой Софьи» в Новодевичьем монастыре. Под именем народной святой скрывается реальный исторический персонаж — царевна Софья, находившаяся здесь в заточении. По мнению исследователя, традиции письменного обращения к «святой Софье» могли возникнуть под влиянием массовой культуры, причем возможно, что здесь сказались несколько факторов: романтизация образа Софьи в советском кинематографе, смешение царевны Софьи с Соломонией (Софией) Сабуровой, существование легенд о Софье как о чернокнижнице в эзотерическом сообществе.

Андрей Мороз (Москва) сопоставил практику написания записок святым в Борисоглебском монастыре в Ростове и в часовне на горе Маура в Вологодской области, отметив, что в первом случае написание записок является паломнической, а во втором — туристической традицией. Несмотря на то что внешне ритуальные практики, рассмотренные в докладах Д. Громова и А. Мороза, кажутся очень схожими, их материалы показывают, что в различных местах почитания записки оставляют разные категории посетителей: это проявляется и в содержании текстов, и в форме письменных обращений.

Живое обсуждение вызвала серия докладов, в которых были проанализированы формы *конструирования мифологии и создания (авто)биографических мифов* в жизни и в творчестве. **Татьяна Щепанская** (Санкт-Петербург) на материалах своей полевой практики рассмотрела случаи, когда местный житель, встретив приезжего, принимает на себя роль «проводника», знатока округи. Предметом исследования здесь являлась культурная модель, по которой эти люди конструируют свой новый статус, поведенческие стратегии и формы самопрезентации. Подобные самопрезентации сопоставлялись в докладе с характеристиками персонажа современного фольклора — stalkera-проводника. Отмечалось, что именно латентная номадическая модель общественной жизни могла бы стать источником культурных матриц, лежащих в основе как «кочевых», «дорожных»

персонажей фольклора (Сталкер, Черный драйвер, Белый спелеолог и т.п.), так и аналогичных им социальных ролей или моделей самопрезентации.

В целом доклад направлен на выявление не собственно пласта фольклорных текстов или образцов, а генеративной модели, порождающей эти тексты. Несмотря на то что недостаточно большой объем проанализированной информации не позволяет с уверенностью говорить о найденной закономерности, в целом доклад Т. Щепанской может быть примером постановки задачи определенного типа: выявление «фольклорных» форм поведения, основанных на социальных и поведенческих стереотипах.

В докладе **Элеоноры Шафранской** (Москва) конструирование «фольклорности» основано совсем по другому принципу — художественной игры. Речь здесь шла о творчестве современного петербургского художника Владимира Яшке и о сквозном персонаже его картин и литературных опусов — обаятельной Зинаиде Морковкиной, которая, с одной стороны, отличается легким поведением, а с другой — выступает как муза художника. По мнению автора доклада, при создании образа и разработке биографии данного персонажа использовались стереотипы фольклорно-литературного происхождения. Взаимоотношения Яшке с его «музой» носят явные черты литературно-художественной игры с образом, между тем доклад может рассматриваться как пример изучения фольклорных мотивов в творчестве при формировании концептуальных художественных образов и конструировании авторского «жизнетекста».

В докладе **Дарьи Костиной** (Екатеринбург) есть пересечение подходов Т. Щепанской и Э. Шафранской. С одной стороны, здесь рассматривалась форма поведения, имеющая вполне конкретный фольклорный прототип; с другой стороны, это поведение являлось сознательной художественной игрой. Д. Костина анализировала творчество екатеринбургского андеграундного художника Старика Букашкина (Е.М. Малахина), который создал свой имидж на основе образа скомороха, имеющего фольклорно-литературные истоки. Этот образ проявлялся в формах поведения (уличное выступление, игры со зрителями), экстравагантном внешнем облике, нарочито наивных примитивистских стихах и музыке, общей настроенности на комизм и карнавальное поведение.

Все три доклада вызвали повышенный интерес слушателей, задававших много вопросов. Наибольшие сомнения вызывала корректность возведения тех или иных элементов конструируемых образов к фольклору, однако в целом эти выступления

продемонстрировали, что тема современного мифотворчества в жизни и в искусстве является крайне перспективной.

Наконец, один из наиболее заметных тематических блоков на конференции составили доклады, в которых рассматривались *виртуальные персонажи интернет-культуры*. Здесь можно выделить два основных направления исследований: во-первых, анализ форм индивидуальной самопрезентации и манипуляции виртуальными масками; во-вторых, рассмотрение виртуальных персонажей, популярных у пользователей Сети.

Исследования первой группы были представлены докладом **Нины Власкиной** (Ростов-на-Дону), рассмотревшей общение на сайтах, посвященных казачьей проблематике. Среди посетителей были выделены следующие группы пользователей: те, кто считает себя казаками и стремится доказать тезис о самобытности «казачьего народа»; люди, для которых культура казачества является объектом научного исследования; предприниматели, которые занимаются интернет-продажами товаров, связанных с казаками (одежда, оружие, книги и т.п.). Внимание в докладе концентрировалось на характеристике первой группы пользователей. Автором был сделан вывод о том, что факты народной культуры служат для них инструментами идентификации себя как представителей казачьего народа, а формируемый образ традиции характеризуется избирательностью и преимущественной опорой на стереотипы.

Доклад **Елены Горшковой** (Москва) был посвящен женским «маскам» современного Рунета. В ее работе была осуществлена попытка типологизации женских образов в Интернете, которые являются объектами иронии, в том числе подвергаются высмеиванию в интернет-фольклоре («Духовно Богатая Дева», «овуляшка», «мамочка», «стерва», «девачка», «блондинка», «феминистка» и др.). Эти образы разрабатываются преимущественно в комическом ключе, но существует немало женщин-пользователей, которые идентифицируют себя с ними (пускай и иронически), выстраивая на их основе самопрезентации.

Докладчица указала на проблему, в которой «увязают» многие исследователи традиционного фольклора, исследующие интернет-культуру: виртуальные образы Сети трудно сопоставимы с образами традиционного фольклора (даже при их внешнем сходстве). В докладе некоторые параллели приводились, но сделано это было с осторожностью. Как отметила автор, набор женских масок, используемых в Интернете, в основном происходит из реалий не традиционной, а современной городской культуры.

Ольга Васнева (Пермь) анализировала ники (условные имена) пользователей Интернета, являющиеся мифонимами. В докладе было справедливо отмечено, что ник является составной частью самопрезентации человека, его виртуальной маски: условное имя должно как можно больше рассказать о его носителе, оно является концентрированным выражением Я-концепции и в то же время средством самопрезентации. Были выделены модели, по которым создаются ники: на основе личных собственных имен, наименований природных явлений или названий животных, мифологических и литературных имен, наименований качеств и проявлений личности. Есть и «компьютерные», «агрессивные» и необычные ники, созданные в противовес представлениям об именах. Особое внимание было уделено никам, образованным на основе мифонимов «ангел» и «демон».

Из докладов, относящихся ко второй группе, т.е. посвященных рассмотрению виртуальных персонажей, которые стали героями интернет-мемов, можно выделить три. **Михаил Алексеевский** (Москва) в своем выступлении анализировал использование образа Гитлера в видеолоре. Этим термином автор предложил обозначать серийные любительские видеоролики, распространяемые по принципу так называемого «вирусного видео». Речь шла о многочисленных роликах, основанных на эпизоде из немецкого фильма Оливера Хиршбигеля «Бункер» (2004). В этом фрагменте Гитлер, понимая, что война проиграна, устраивает истерику, однако авторы переделок, добавляя шуточные субтитры на родном языке, придают этой сцене совсем другой смысл (как правило, Гитлер «высказывается» по поводу каких-либо актуальных событий и животрепещущих тем). В докладе обсуждались базовые принципы создания видеолора, рассматривался вопрос о национальной специфике различных версий подобных роликов, а также анализировалась трансформация в Сети образа Гитлера, ставшего в итоге популярным героем международной интернет-мифологии.

Наталья Клим (Москва) анализировала трансформацию образа манула (вид дикого кота) в русскоязычном интернет-фольклоре. С сентября 2008 г. манул стал героем многочисленных демотиваторов (юмористическая картинка, построенная по шаблону и обычно включающая черную рамку и подпись). Ключевым элементом этих демотиваторов, помимо образа собственно манула, является фраза «Погладь кота, сука» в различных вариациях. В докладе не только был подробно рассмотрен феномен «мануломании», но и предпринята попытка систематизации демотиваторов с манулами по принципу трансформации изображения и подписи.

Доклад **Дарьи Радченко** (Москва) был посвящен процессам изменения персонажей (героев интернет-мемов) при переходе из англоязычного сегмента Сети в русскоязычный. Этот процесс был рассмотрен на примере Гипножабы, эпизодического героя американского мультсериала «Футурама», ставшего популярным интернет-персонажем и на Западе, и в России. Д. Радченко продемонстрировала, как проходит процесс кросс-культурной адаптации: в новом культурном поле Гипножаба, изначально являвшаяся символом зомбирующей силы телевидения, обретает новые смыслы и значения и в итоге становится прототипом «протестного» символа Олимпиады–2014 Жабь Зойча. В докладе были намечены подходы к изучению механизмов кросскультурной адаптации персонажа сетевого фольклора и пределов трансформации персонажа в этом процессе.

Доклады последнего блока были выполнены в рамках единого методологического подхода и в целом дополняли друг друга. Несмотря на то что предложенные принципы анализа интернет-мемов и динамики их развития явно могут быть доработаны и улучшены, в данном случае, как кажется, можно говорить если не о научной школе, то об устоявшемся направлении исследований.

Завершая обзор, следует добавить, что материалы конференции готовятся к изданию в виде сборника статей, а на осень 2012 г. в Государственном республиканском центре русского фольклора запланировано проведение второй конференции этой серии под названием «Фольклор XXI века: между архивом и сценой». На ней планируется рассмотреть вопросы, связанные с многообразием форм бытования современного фольклора.